

Танцы
на
цепях 2

МИРОСЛАВА АДЪЯР

Мирослава Адьяр

Танцы на цепях 2. Уголь и Соль

«Автор»

2018

Мирослава Адьяр

Танцы на цепях 2. Уголь и Соль / Мирослава Адьяр — «Автор», 2018

Иномирский король исчез, а Рагур'ен медленно умирает, пораженный жестокой болезнью. Еще остались те, кто борется с недугом, но с каждым днем надежда на исцеление тает. В надвигающемся хаосе Безымянная хочет только одного – вернуть короля домой. Сможет ли она преодолеть бесконечные преграды на пути к иномирцу, если все, кто должен ей помочь, преследуют свои цели?

© Мирослава Адьяр, 2018

© Автор, 2018

Мирослава Адьяр

Танцы на цепях 2. Уголь и Соль

Глава 1. Сольвэ

Мягкий ковер заглушал шаги, и ноги по щиколотку тонули в тусклом бордовом ворсе. Узкий темный коридор уходил вглубь особняка разноцветной лентой, а от стен, обшитых золотистыми резными панелями, пахло шалфеем, корицей и сушеной сливой.

Каждая из них стояла целое состояние и была сделана вручную из ароматного пустынного дерева. Кажется, оно называлось арм-савар. «Лисья кровь».

Уголек не помнила наверняка.

Прижатые к груди книги тянули вниз. Стопка угрожающе раскачивалась, заставляя из последних сил цепляться за корешки пальцами и мысленно проклинать собственное упрямство. Запястья скрутило от тупой боли, и пришлось остановиться, чтобы перевести дыхание. Раздосадованно цыкнув, Уголек прислонилась к стене и уперлась лбом в книжную башню.

Сольвэ предлагал помочь, усиленно намекал, что нужные труды – почти неподъемные талмуды. Резкое «нет» совершенно не задело иномирца, Уголек даже удивилась его спокойствию.

Но теперь стало понятно, почему он так усмехался, глядя на ее упрямо вскинутый подбородок и уверенный взгляд.

Из прически выбился черный локон и бесцеремонно упал на глаза. Пришлось навалиться на книги всем весом и прижать их к стене, чтобы освободить одну руку и отбросить надоедливую прядь в сторону.

– Ой-ей, – запричитала Уголек, когда стопка чуть накренилась в сторону.

Удерживать такой вес – слишком тяжело, отчего накатило чувство горькой досады.

Дрожащая башня накренилась еще сильнее. Отчаянно вцепившись в стопку, Уголек коротко вскрикнула и зажмурилась.

Грохота не последовало, хотя книги должны были упасть. Руки коснулось что-то теплое, и стопка выскользнула – будто растворилась в воздухе.

– Ты в порядке?

Вот же!

По позвоночнику прокатилась дрожь. Ладони моментально вспотели, и пришлось незаметно встряхнуть руки, чтобы остудить их.

Открыв глаза, Уголек столкнулась взглядом с Сольвэ, и жар прилил к щекам.

Иномирец отступил в сторону, пропуская ее вперед. Кажется, даже поклонился, будто в насмешку. Стиснув зубы, чтобы не бросить какую-нибудь колкость, Уголек сделала шаг, но так и застыла посреди коридора.

Совершенно не хотелось оставлять иномирца за спиной, но тот вопросительно изогнул бровь и качнул головой в сторону лаборатории.

Ладно, мрак с тобой!

Она вообще не слышала его шагов. Казалось, что Сольвэ не касался пола, а ведь с такой ношей должна была скрипнуть хотя бы одна половица! Пришлось украдкой обернуться. Проверить, не испарился ли провожатый.

Нет, не испарился. Более того, еще воспользовался моментом и бесстыже оглаживал взглядом ее спину. Это прикосновение было почти осязаемым – будто кто-то сжал плечи и скользнул вперед, по ключицам, к вырезу простого платья. Невидимые пальцы запутались в волосах, потянули назад.

Воздух со свистом ворвался в легкие. От смущения и гнева покраснели даже кончики ушей. Дернувшись, девушка стряхнула наваждение.

Всего лишь иллюзия. Тебе кажется.

Их взгляды схлестнулись, точно клинки, высекая из воздуха невидимые искры. Глаза иномирца совершенно черные, топкие, как болотная трясина, в них с легкостью можно было потеряться навсегда, только желтые радужки наполнились теплыми вихрями и тягучим блеском.

Глаза чужака. Хищника, готового к долгой, изнурительной охоте.

Кожу обметал легкий загар, белоснежные волосы, густые и чуть вьющиеся, в полнейшем беспорядке. Можно было подумать, что Сольвэ спал, но это иллюзия. Их народ не спит.

Чувственный рот плотно сжат. Иномирца делал все, чтобы сохранять серьезное выражение лица.

– Прошу не смотреть на меня... так, – во рту пересохло, невозможно сглотнуть.

– Как – *так*? – в голосе ни тени смущения или волнения. С таким же успехом можно было беседовать с каменной глыбой.

Будь ты проклят!

Передернув плечами, она ускорила шаг.

– Ты знаешь, о чем я!

– Понятия не имею, – последовал невозмутимый ответ.

Новое незримое прикосновение выбило почву из-под ног. Воздух обрел плотность, превратившись в расплавленный воск, скользящий от бедра к животу, где медленно стягивался болезненный узел.

На негнущихся ногах Уголек влетела в лабораторию и прошагала к массивному столу в центре комнаты, заставленной книжными шкафами и колбами из люза. Сольвэ даже шагу не прибавил. Шел медленно, аккуратно придержал дверь и так же аккуратно положил книги на стол. Ни один мускул не дрогнул на его лице.

Только глаза бросали вызов и откровенно смеялись.

– Чем займемся сегодня? – спросил он.

– Я все сделаю сама, спасибо, – голос подломился, и ответ прозвучал совсем неуверенно. Кашлянув и стукнув кулаком по груди, Уголек отвернулась, пряча пылающие щеки.

Сольвэ пожал плечами и направился к выходу. Не возражал и не задавал вопросов.

Странно. Задумал что-то!

Стоило двери за иномирцем закрыться, как поток воздуха прижал девушку к столу. Уплотнившись настолько, что можно было сжать горячие вихри в ладони, он коснулся губ – едва уловимо, словно бабочка задела кожу крылом.

Во рту стало нестерпимо сладко, будто кто-то капнул на язык медовой эссенции, дыхание застряло в горле, и не было сил двинуть головой. Что-то незримое жестко фиксировало затылок, намотав волосы на невидимый кулак.

Рванувшись вперед, Уголек не почувствовала сопротивления. Вокруг нее закружились золотистые искры. Если кто-то и игрался с магией, то он взял все, что хотел, и моментально испарился. Коснувшись дрожащими пальцами губ, она ощутила, как жар обжигает кожу.

– Сольвэ! – зло прошипела Уголек и ударила кулаком по столу. – Чтоб тебе сгореть!

***

Несколько глубоких вдохов, чтобы успокоить сердце. Пара мгновений, чтобы привести в порядок волосы. Движения были отточенными и быстрыми – они возвращали самообладание.

Повернувшись к столу, она положила ладони на крышку, царапнула ногтями гладкое дерево. В комнате было нестерпимо душно.

Тряхнув головой, Уголек откинула со лба надоедливую прядь и открыла одну из книг, медленно выискивая нужную страницу. Пальцы шуршали, перебирали пожелтевшую бумагу.

Буквы древнего языка постепенно складывались в слова, дарившие великое знание. Но и его было недостаточно.

Закусив губу, Уголек упрямо вчитывалась в каждое предложение, пытаясь найти новые зацепки, но на деле она просто проверяла в сотый раз давно оформившуюся мысль.

Отец годами вынашивал этот план, только воплотить его не успел.

Считал, что именно кровь детей Создателя способна снять проклятье ломкоты, но два месяца назад недуг остановил его поиски.

Уголек видела перед глазами его лицо так отчетливо, будто все случилось вчера. Остекленевшее и бескровное, не способное выражать эмоции. Застывший хрусталь, в котором едва ли угадывалось движение мысли. В конце пути отец уже не мог говорить, не вставал с постели, не ел. Это было тяжелое время. Невыносимое бремя, давившее на плечи дочери. Уголек с головой погрузилась в ледяной омут одиночества и обиды.

Горькой и жгучей обиды на отца.

– Ты должен был позвать меня, – шептала она, переворачивая страницу за страницей, – но ты желал видеть только его! Почему ты так поступил? Разве я не достойна была последнего слова?

Единственный, кто оставался с ним до самого конца, был Сольвэ. В последние мгновения жизни отец видел не любимую дочь, а чужака! Он предпочел уйти, даже не попытавшись проститься с ней!

Никто не должен так умирать.

Без надежды. Без возможности взять любимых за руку, чтобы ощутить их участие и тепло. Ломкота все уничтожает, выстраивая между больными и здоровыми стену из страха, ненависти и отчуждения.

Скрипнув зубами от злости, Уголек вспомнила, как за отцом явились воины Красной Стрелы. Наглые и жестокие отбросы, возомнившие себя хозяевами положения!

Они были новой силой в этом мире. В то время как северный стигай предпочел делать вид, что ничего не происходит, и отгородился от соседей магическим барьером, а дети Пожинающего отсиживались в норах, выжидая момента, чтобы покинуть тонущий корабль, Красная Стрела стала радикальным ответом ломкоте.

Их предводитель – молодой и неуправляемый полукровка, чей отец в свое время спутался с иномирянкой, – обладал поразительной и даже пугающей силой убеждения. Выходец из бедного квартала столицы, разрушенного после того, как стены перестали удерживать иномирцев внутри, он сколотил небольшое войско.

Его красноречие было почти сверхъестественным, а имя уже год гремело по всему Рагур'ен. Матиас Ро. Палач, убийца и лжец, готовый влезть в любой дом, если есть хотя бы малейшее подозрение, что внутри появилась болезнь.

Карающие отряды двинулись с севера, выискивая любые следы заразы, чтобы предать их пламени. Они свирепствовали на востоке, рыли землю, точно дикие псы. Выискивали, вынюхивали и казнили без разбора. Даже если ты с больным всего лишь дышал одним воздухом. Стоило заметить людей с кровавыми стрелками на рукавах – и приходилось уносить ноги.

Уголек, при всем своем упрямстве, не могла отрицать, что лишь влияние Сольвэ уберегло ее от казни, а дом – от очищающего пламени. Иномирец – лучший лекарь в Сахра-таш. Правитель относился к нему с трепетным уважением, ведь только Сольвэ был способен поддерживать искру жизни в его болезненно-слабой супруге.

Только он мог помочь появиться на свет наследнику власти.

Рагур'ен умирал, но короли все еще имели вес.

Красные Стрелы пока держались на почтительном расстоянии от Сольвэ, но болезнь давила со всех сторон. Его неприкосновенность не будет вечной.

К тому моменту, когда придется считаться с этими сумасшедшими, лучше иметь в руках что-то большее, чем просто теории!

Ничто не защитит их лучше, чем лекарство от ломкоты!

***

Уголек не покинет лабораторию до заката, в этом можно было не сомневаться. Сольвэ слишком хорошо знал ее расписание и мог с точностью до минуты предсказать, как она двигается по комнате, что берет в руки и какими расчетами занята в эту секунду.

Все это было проделано тысячи раз, с ним и без него. В одиночестве и в обществе любимой младшей сестры, когда той разрешалось покидать дворец. Жаль, что сейчас это случалось все реже: Мерай была вынуждена день и ночь проводить у покоев королевы, а Уголек увядала и тускнела без простых и легких бесед.

Королева слабела с каждым днем, ей был необходим уход и покой. Но разве можно говорить о покое, когда в чреве растет наследник трона? Это, несомненно, был мальчик. Сольвэ в таких вещах не ошибался. Как и не ошибался в том, что Правитель держит его рядом, пока есть нужда.

Что потом? Есть ли шанс, что королеве потребуется его сила? Например, если ребенок окажется не здоров.

Тогда нужда в лекаре не отпадет, как не исчезнет и покровительство короля.

Юлмаж взбалмошный и злопамятный. Его настроение могло меняться по двадцать раз в час. Пока что страх за будущего наследника вынуждал его терпеть присутствие чужака.

Сольвэ не тешил себя иллюзиями. Можно было кого угодно обмануть внешностью и манерами, но стоило кому-то увидеть его глаза и понять, что Сольвэ за три века не состарился ни на день, как все вставало на свои места.

Он – иномирец. Изгой и животное. Лучший из лекарей – но что с того? Если ребенок будет здоров, а королева быстро пойдет на поправку, то...

Красные Стрелы придут. Они ничего не забывают. И никого не пощадят, веруя, что дом пропитан ломкотой. Фанатичные сукины дети!

Сольвэ откинулся на спинку глубокого кресла, медленно перекатывая в ладонях пузатый бокал с крепкой настойкой собственного приготовления. Истекал последний жаркий час, перед тем как солнце ухнет за горизонт, оставляя людям темные очертания дюн и росчерки звезд на почерневшем небе.

И холод. Ночами всегда холодно.

Порыв ветра ворвался в кабинет, деловито пошуршал бумагами на столе и коснулся шеи, зарывшись невидимыми пальцами в волосы. Мягкое прикосновение скользнуло ниже, юркнув за высокий ворот свитера из тончайшей шерсти. В крови медленно закипал теплый дурман и долгожданная нега. Мышцы расслабились, затылок коснулся грубой кожи обивки.

Иномирцы не спят – они проваливаются в некое подобие транса, сохраняя при этом контроль. Никто бы не смог подойти к Сольвэ, если бы он этого не захотел.

В воздухе разливался тягучий аромат черноплодной рябины, мяты и ореха. Угольку нравился этот запах, а Сольвэ иногда давал ей настой перед сном. Слишком крепкий для девушки – он быстро уносил ее во мрак без сновидений и охранял до самого рассвета.

Не существовало лучшего средства от кошмаров и слез. Сольвэ сам бы предпочел быть таким средством. Делить с девушкой не только дни, но и ночи. Выходка в лаборатории могла дорого ему стоить, но разве есть хоть малейший шанс удержаться, когда взгляд серых глаз будто проникает под кожу?

Ее страх перекатывался по языку, как прокисшее вино. Плохое и тошнотворное чувство, но ничего не сделаешь.

Пусть он коснулся ее лишь воздухом, и к губам припал невидимый двойник, а не сам Сольвэ. Неважно. Он, как никто другой, умел ждать.

В дверь тихо постучали, можно сказать, поскреблись. Поднявшись одним рывком, Сольвэ медленно обогнул кресло, но открыть не успел. В коридоре послышался грохот, глухой удар и сдавленный стон. Рванувшись вперед, Сольвэ распахнул дверь.

Тысячи картин в одно мгновение пронеслись перед глазами, вплоть до самых жутких образов, что Уголек перемудрила с опытами и сейчас умирает на пороге. Но стоило глянуть вниз, как в голове стало совершенно пусто. На коленях у порога застыла хрупкая фигура, укутанная в плащ. Тонкие руки вцепились в края, плечи подрагивали.

– Мерай, – выдохнул иномирец.

Она глубоко вздохнула, задрожала еще сильнее и бурно разрыдалась.

Опустившись на колени, Сольвэ протянул руку, чтобы коснуться, но Мерай дернулась, вцепилась в его плечи. С губ сорвалось бессвязное бормотание.

В стороны разлетелись полы плаща. Под ним была только тонкая белая сорочка, едва достававшая до колен, а на ткани медленно расплывалось кровавое пятно.

***

– Я же сказала, что все сделаю сама! – раздраженно бросила Уголек, повернувшись на звук.

Она утром чувствовала, что это Сольвэ вернулся, чтобы действовать ей на нервы, и даже открыла рот, чтобы выдать злую тираду, но через секунду кровь отхлынула от лица, превратив его в маску удивления и ужаса. С губ не сорвалось ни звука – язык просто отказался слушаться, прилипнув к небу.

Иномирец замер на пороге, а на руках у него безвольной куклой обмякла Мерай.

Без лишних слов, Сольвэ в три шага добрался до узкой кушетки, и, аккуратно опустив Мерай на темный бархат, сорвал с нее плащ. Метнулся к столу, зазвенел пузырьками из тонкого зеленоватого люза. Откупорив один, осушил его одним глотком. Вздрогнул всем телом – будто молния прошла его от пяток до затылка.

Иномирец встал на колени и прикрыл глаза. Густые белые волосы упали на влажный от испарины лоб, а в уголках глаз Уголек впервые заметила острые лучики морщинок.

По длинным пальцам побежали зеленоватые огоньки, ладони прошли над животом Мерай.

Уголек сжала спинку так, что ногти глубоко вошли в обивку. Она, не отрываясь, наблюдала за манипуляциями Сольвэ, ловила каждый рваный вздох сестры и дрожала вместе с ней. В голове роились вопросы и страхи. Сердце встало где-то в горле, колотилось, точно птица в клетке, губы задрожали, но плакать – самое последнее дело. Пришлось прикусить губу до крови, до тошнотворного привкуса металла и соли на языке.

Мерай дышала! Сольвэ спасет ее. Обязательно спасет!

В замутненном сознании вспыхнула мысль, от которой позвоночник обдало холодом.

Мерай постоянно находилась во дворце. Каждую свободную минуту! Она могла понадобиться королеве в любой момент. И покинуть госпожу она могла только в строго оговоренное время.

Если бы что-то пошло не так, то она бы пришла к Сольвэ. Как к личному лекарю королевы.

И она пришла. Со вспоротым животом.

Если что-то случилось с королевой...

Зажав рот рукой, Уголек следила за мягким светом, срывавшимся с пальцев иномирца, но в голове в этот момент творился настоящий хаос. Мысли как растревоженный песчаные пчелы не могли найти покоя: кидались друг на друга, пихались и лезли, лезли, лезли!

Ох, Пожинающий, что же случилось?!

Нет, прошу, не дай случиться новой беде! Умоляю...

Изумрудный огонь бежал по смуглой коже иномирца, падал на рану тяжелыми каплями. Проникал внутрь, стягивал края и восстанавливал ткани, останавливал кровь. Мерай заворочалась, лицо исказилось в болезненной гримасе. Уголек обогнула кушетку и опустила руки на плечи сестры, прижимая ее к тонкой подушке. Ее кожа была совсем холодной, липкой от пота.

Сольвэ отстранился через минуту. Покачнулся, на лбу выступила испарина, губы сжались в тонкую нить и совсем побелели. Прикрыв глаза, он медленно поднялся.

– Она будет в порядке, – сказал тихо, почти прошептал и двинулся к столу. Тяжело оперся на столешницу. Его колотило, лицо исказилось от мучительной судороги. Можно было услышать, как скрипнули зубы.

Уголек еще секунду наблюдала, как на бледных щеках сестры проступает легкий румянец. Дыхание выровнялось, веки перестали подрагивать – девушка провалилась в глубокий темный сон.

Уголек шагнула к шкафу у стены, достала оттуда бокал и бутылку с настойкой. Золотистая жидкость ударила о люз, разнося по комнате ореховый аромат. От волнения руки дрогнули, и несколько капель упало на пол.

Сольвэ лишь отрицательно покачал головой, когда она протянула ему бокал.

– Тебе это нужно, – Уголек почти силой заставила взять напиток, но заметив, что иномирец снова собрался отказаться, сжала ладони на его руке. – Пожалуйста. Или я волью его силой.

Сольвэ едва заметно улыбнулся, но спорить перестал. Сделав глоток, он скользнул взглядом по Мерай. С каждой секундой золотистые радужки все больше темнели, становились похожими на гречишный мед, густые брови сошлись к переносице.

– Собирайся. Мы уходим. – Уголек хотела возразить, но Сольвэ предупреждающе поднял руку. – Это очень серьезно, милая. Если что-то случилось с королевой, то мы первые в списке, на кого король обрушит свой гнев. Ему ничего не стоит спустить на нас Красных, понимаешь? Если это случится, то я не хочу, чтобы...

– Король этого не сделает.

– Еще как сделает! – рявкнул Сольвэ. – Ты его не знаешь. Заслуги твоего отца не защитят тебя и сестру. Собери все самое необходимое. Нужно убираться из города. Как можно быстрее, – сбавив тон, он подошел к Угольку и сжал дрожащие плечи, – посмотри на меня. Просто сделай, как прошу.

– Но как же...

Что-то грохнуло внизу. Частые тяжелые удары обрушились на входную дверь. Уголек вцепилась в руку Сольвэ и с ужасом перевела взгляд на Мерай. Иномирец подхватил спящую девушку, провел ладонью над лицом и уверенно шагнул к шкафу у стены.

Нащупал за одной из книг крохотную кнопку, и шкаф отъехал в сторону, открыв небольшую освещенную нишу, не больше пяти футов в глубину. Все стены были забиты полками с бутылками из темного люза. Здесь иномирец хранил особенно редкие вещества, которые использовал в лекарском деле. Свою коллекцию он собирал не одно десятилетие.

Справа была еще одна дверь, ведущая в подземный коридор.

Укутав Мерай в плащ, он усадил ее у стены.

– Когда она очнется? – обеспокоенно спросила Уголек.

– Через пять минут. – Сольвэ почти вытолкнул ее из коморки. – Хватай все необходимое. Грохот внизу уже не замолкал. Кто-то очень хотел попасть внутрь.

***

Гедас Альва давно не был впечатлительным юнцом. За десять лет службы у короля он успел насмотреться на всякое. Список «всякого» только ширился после того, как в городе принялись хозяйничать Красные Стрелы.

Молодые и горячие ублюдки пытались качать права в кварталах торговцев и среди знати, порывались проверять дома и жечь все, чего даже в теории могло коснуться проклятие ломкоты, но быстро обломали зубы.

Юлмаж не любил излишние волнения. Он привык к подчинению, к обожанию, а Красные Стрелы портили привычный ход вещей. Несколько показательных казней утомили буйных поборников чистоты на какое-то время, но покой не мог длиться вечно.

После того, как король отрезал им доступ к семье влиятельного ученого, Стрелы взбелевились, но их предводитель оказался умнее. Знал, что не тягаться кучке бандитов, пусть даже и хорошо вооруженных, с воинами правителя.

Теперь они срывали гнев на окраине и в мелких поселениях за пределами города.

Несли справедливость. «Очистительный огонь».

Гедас презрительно сплюнул в сторону.

Казалось, что в Сахра-таш спокойно. Насколько вообще может быть спокойно в мире, пораженном болезнью. Гедас никогда не питал иллюзий на этот счет. Рагур'ен скоро упадет на колени перед вечностью. Не сказать, что он был огорчен: Альва так и не обзавелся семьей, друзьями или домом. Казарма была его единственным убежищем, которое он знал и уважал.

Все, чего он мог желать – это погибнуть в бою. Завершить жизнь достойно.

И так было до тех пор, пока Юлмаж не выбрал королеву. Выбрал среди богатых влиятельных семей, пользовавшихся благосклонностью правителя. Нашел дорогую и хрупкую игрушку, потому что внезапно вспомнил, что власть – не болезнь и по воздуху не передается. И пора бы обзавестись наследником.

Но и в этом вопросе король лишь ублажал собственные капризы. Выбранный цветок мог цвести лишь один раз. Слишком уж «нездешней» была ее красота. Слишком ломким оказалось здоровьем. Она вообще вся была немного «слишком» для бремени королевы.

Юная и прекрасная. Волшебное видение. Белокожая, тонкокостная. Лицо, как у куклы, обрамленное золотистыми кудрями, высокий лоб. Глаза темные, цвета крепкого ромашкового чая.

Гедас перестал существовать в тот же миг, когда увидел будущую королеву впервые. Он умер и воскрес, стоило их взглядам встретиться. Мимолетный румянец разлился по бледным щекам жаркой волной, дрогнули пухлые губы. Она подарила ему мимолетную улыбку, а он ей – всю свою жизнь.

Неравноценный и болезненный обмен.

Гедас – честный человек. Он никогда бы не предал правителя, но с того самого момента Юлмаж будто почувствовал внутренний надлом лучшего воина и поручил ему простое задание: следить за безопасностью королевы.

Будто в насмешку, желая, чтобы Гедас остутился, чтобы его жизнь рассыпалась как трухлявый пенек.

Стоило только надавить сильнее.

Юлмаж был известен своими жестокими забавами, но он недооценил волю капитана своей личной стражи.

Что могло пойти не так?

Что же пошло не так...?

О, Гедас знал! Все полетело во мрак, стоило только появиться этому иномирскому отродью! И его маленькой сучке-служанке, которая ухаживала за королевой в последнее время.

Цветок мой, как же так? Мы всегда были так осторожны. Никогда не доверяли людям. Даже самым близким. Только друг другу. Ты приняла меня, душу раскрыла, а я не спас. Не смог. В первое же мгновение стоило понять, что нельзя ждать ничего хорошего от иномирского племени. Убийцы! Чужаки. Мрази.

Горячо. В груди горячо. На языке перекатывалась знакомая горечь, перед глазами – картина из мрака и красных пятен. Абсолютная незамутненная ненависть. Все, чего хотел Гедас – это свернуть тонкую шею убийцы.

Так же, как она поступила с королевой.

Выпотрошить ее, выжать кровь до последней капли и оставить вот так! Даже не потрудиться прикрыть изувеченное тело. Просто бросить! Позволить любому, кто пожелает, увидеть и почувствовать ее боль и ужас.

Вот она – заветная дверь. Ищейка за спиной рванулась вперед, замерла на секунду у ступеней.

Мерай здесь. Куда еще она могла пойти?

***

Уголек впиалась в лицо Сольвэ взволнованным взглядом.

– Собирайся, – приказал он, – у нас совсем нет времени.

– Проклятье, – тихо выругалась она и рванулась к столу.

Сольвэ коснулся стены, вычерчивая на деревянных панелях сверкающие узоры. Они росли и ширились, тянули тонкие щупальца в коридор, к лестнице и входу. Никто не войдет в дом, даже если дверь сорвут с петель. Выигрыш во времени крохотный, но лучше, чем ничего.

– Гедас ждет на пороге. С ищейками.

Уголек тяжело сглотнула.

– Откуда ты знаешь?

– Чую, – бросил Сольвэ через плечо. – Собирайся быстрее. С королевой что-то случилось...

– Наверняка. – Уголек тряхнула головой. – Я заберу записи и образцы. – В серых глазах мелькнуло отвращение. – Это единственная надежда на борьбу с ломкотой, и никто ее не получит! Особенно Гедас и его прихлебатели. А ты, – она ткнула пальцем в грудь Сольвэ, – позаботься о сестре.

Уголек отвернулась. Ее руки порхали над книгами и записями, откладывая все, что могло быть полезным.

Порывшись на полках, Сольвэ выудил оттуда прочный мешок из мягкой кожи, со специальным отделением для хрупких предметов. Бросив Угольку находку, он прошелся рукой по люзовым бутылкам, выскивая некоторые редкие ингредиенты. Выбрав несколько крохотных пузырьков, которые легко было спрятать в кулаке, Сольвэ вернулся к столу.

– Возьмешь с собой, – сказал, не принимая возражений, с силой вложив пузырьки в ладонь девушки.

– Это же...

– Возьми! – Сольвэ указал на крохотную шкатулку, почти полностью заваленную бумагами. – И это тоже. Не хотелось бы оставить в руках ищейек ничего ценного.

Через две минуты они уже стояли у подземной галереи. Иномирец сам настоял на постройке этого перехода двадцать лет назад. Еще шутил, что в доме теперь тайных дверей больше, чем настоящих.

Невысокий туннель выходил на поверхность в двух милях от дома. Дальше придется двигаться по улицам.

Сольвэ вздрогнул, когда Уголек коснулась его руки. В серых глазах было столько отчаянной борьбы, что стало горько. Резко выдохнув, она обхватила его за пояс и уткнулась в грудь. Сольвэ показалось, что земля уходит из-под ног. Пальцы сжали хрупкие плечи, скользнули по спине, прижимая к себе.

– Только не бросай нас, – прошептала Уголек.

– Никогда, – ответил Сольвэ, пробегая рукой по черным кудрям.

Она кивнула и резко отстранилась.

Девочка будет корить себя за внезапный порыв и эти объятия. Потом. Но Сольвэ чувствовал себя до стыдного счастливым. Сейчас он был готов встретиться и с Гедесом, и самим Императором. Даже с самой смертью.

Глава 2. Квартал Дэкур-са

В подземном коридоре было сухо и пахло ландышами. Не свежими, сорванными только что в саду, а сгнившими и превратившимися в склизкую кашу.

Наступив на острый камешек, Уголек болезненно охнула, но не остановилась. Страх гнал вперед. Невидимое кольцо сжималось вокруг шеи, сдавливало до хруста в позвоночнике, мешало сделать глубокий вдох. Сердце гулко ухало в груди, как у загнанного зверя.

Мерай едва переставляла ноги, так что Сольвэ приходилось удерживать ее за пояс и почти тащить на себе. Уголек старалась не глядеть по сторонам и внимательно смотрела под ноги: не хватало только упасть и раскроить лоб об стену или острый осколок.

Коридор давно не чистили – странно, что он вообще не обвалился. Сольвэ старался содержать это место в порядке, но делал это один, слуг к своим тайнам не подпускал.

Хоть и прожил среди людей сотни лет, но старательно разграничивал то, что мог им открыть, и то, что предназначалось только для очень узкого круга. Для самых близких.

Уголек бросала на него встревоженные взгляды. Украдкой поглядывала на грудь и живот.

Крови не было, хотя она прекрасно знала, какой ценой дается иномирцу исцеление ран.

Сольвэ не владел магией как таковой. Он умел лечить, но платил за это сполна, ведь любая рана становилась его собственной. Только поразительная живучесть позволяла иномирцу быстро встать на ноги. Когда он бросился лечить Мерай, Уголек не могла не думать о последствиях. Ранение оказалось нешуточным, а Сольвэ с такой легкостью рискнул собой, чтобы спасти ее сестру...

Будто его собственная жизнь и безопасность ничего не значили.

Для Уголька не было тайной, что Мерай давно и безнадежно влюблена в мужчину. Она пошла к нему, а не к сестре, хотя точно знала, где та проводит дни напролет. Да и пройти до лаборатории было куда проще, чем до кабинета, где Сольвэ обычно отдыхал.

Ирония же в том, что Сольвэ никогда не смотрел на Мерай как на женщину. Она помогала ему во дворце, всегда крутилась рядом, пыталась угодить. Иномирец держал дистанцию, но был предельно вежлив. Мягко улыбался, но никогда не выходил за рамки дружеского общения. Даже не дружеского, а общения лекаря и его помощника.

Безупречная отстраненность – Мерай не смогла ее подломить.

Сольвэ не давал даже искры надежды, отчего сестра вяла и превращалась в бледную тень. В последнее время она даже отказывалась возвращаться домой, просто не могла вынести тех испепеляющих взглядов, что Сольвэ бросал на Уголька, а не на нее.

Иномирец даже объяснился с ней. Дважды.

Мерай не видела и не слышала ничего. Она просто продолжала верить и возводить Сольвэ на личный пьедестал.

Сама Уголек пыталась вытряхнуть из головы сестры эти бредни. Объяснить, что перед ней не человек, что их связь невозможна и невысказима. Как можно любить чужака? Да и если бы Сольвэ связал себя с ней, то такая любовь была бы лишь магией, навеянными чувствами.

В любви иномирцев нет ничего настоящего, ни капли искренности! Они просто привязывают души и желания, а потом поглощают их, купаясь в лучах обожания невинной жертвы!

Уголек зло цыкнула. Ей стоило думать о проблемах! О бегстве. О доме, оставшемся за спиной. О тех неприятностях, куда угодила Мерай. Засосало под ложечкой от мимолетного озарения, что она никогда больше не вернется. Не увидит особняк, не будет спать под знакомой крышей.

Там осталась вся ее жизнь, ее суть и душа. Воспоминания о благословенном времени, когда мир еще не разваливался на части, а Мерай проводила дома дни и ночи напролет.

О, Пожинающий, она же выросла в этом доме, его ступени еще помнили ее первые шаги. А что теперь? Куда идти?

Хотелось свернуться клубочком и выть от тоски, и это чувство обрушилось на плечи как удар меча. От него подгибались колени и щипало в глазах.

Уголек глянула на Сольвэ и заметила, что Мерай в его руках медленно отключается.

– Не теряй сознание! – он безжалостно встряхнул девушку и услышал тихий стон. – Мы скоро отдохнем, потерпи еще немного.

Туннель был прямым, как палка, ни единого лишнего поворота. Мерай немного пришла в себя и шагала бодрее, почти не опираясь на руки иномирца.

– Что случилось во дворце? – у Сольвэ не было времени на обтекаемые вопросы и мягкий тон. Иномирец разговаривал резко, почти грубо, а в голосе клокотала едва сдерживаемая ярость.

Мерай покачала головой.

– Нет времени на секреты! – рявкнула Уголек. – Выкладывай немедленно!

Взгляд сестры обжег ее огнем. В нем тугим узлом скрутились ненависть и обреченность.

– Я убила ее, – она ответила так, будто бросила камень, – я убила королеву.

***

Оглушен. Натурально оглушен!

В голове – ни единой мысли, пусто. Если заорать, то в черепной коробке прокатится гулкое эхо. Сольвэ сжимал бок Мерай, чувствовал пальцами выпирающие ребра, и первое, о чем подумал, что не могла такая малышка совладать с королевой.

А потом вернулся здравый смысл и яростный вопль внутреннего голоса, который твердил, что королева должна была вот-вот родить, даже из постели самостоятельно не вылезала.

Сколько раз ты сам исполнял обязанности ее сиделки, лекарь? Ты же знаешь, что она даже помыться не могла, не рискуя лишиться чувств.

Перед глазами мелькнуло чудовищное видение. Словно осколок мыслей Мерай пролез Сольвэ под кожу и острыми краями рвал его нутро.

Распластанное на белоснежной простыне тонкое тело. Располосанное, выпотрошенное. Белоснежный шелк потемнел от крови. Ее было так много, что тяжелые капли срывались с края ткани и бились об пол. Красный ком плоти покоится на груди, которая больше не поднималась в такт дыханию.

То, что должно было стать наследником целого королевства. Для надежности убийца даже потрудились перерезать младенцу горло. От вида рваного росчерка на детской шее Сольвэ с трудом сглотнул.

Гордость короля, вырванная из чрева его жены. Жизнь Уголька и его собственная, разрезанные на куски острым клинком Мерай.

Этого не может быть. Это происходит не с нами!

Сольвэ с силой сжал острый локоть. Мерай дернулась, вскрикнула от боли и посмотрела на него с непониманием и мольбой. Будто ничего не случилось, будто сотворенное безумие – это невинная шалость, и с рассветом все забудется.

В серых глазах ледяной глыбой застыла обида.

– Что. Ты. Сделала?! – Сольвэ даже не говорил, он рычал. Уголек хотела было ухватить его за руку, заставить разжать пальцы, но стоило ей глянуть на совершенно окаменевшее лицо, как ноги произвольно задрожали.

Перед ней был незнакомец. Абсолютно чужой, опасный, разъяренный и дикий зверь, чьи глаза могли воспламенить ее на месте, оставив лишь кучку пепла.

– Не влезай, – бросил коротко, будто выплюнул. Повернулся к Мерай, а та уже едва дышала от страха, только цеплялась за рукав свитера и пыталась вывернуться из жесткой хватки.

Из горла вырвался самый натуральный скулеж, точно девушка превратилась в загнанного волка. Сольвэ дернул ее вперед и потащил дальше по коридору, не обращая внимания на всхлипы и бормотание за спиной. Не было времени. Катастрофически не было времени ни на что!

В доме уже, скорее всего, хозяйничают ищейки. Если они ищут Мерай, то ее запах легко выведет стражу к тайному входу.

Его еще нужно открыть, но при определенной ловкости рук – не такая уж и проблема.

Особенно если облавой руководит Гедас. Этот сукин сын вскроет любой замок за считанные секунды. Остается только мчаться вперед и надеяться, что за спиной не послышатся крики стражников.

Плохо. Как же все плохо!

Сольвэ отчаянно пытался сложить в голове головоломку. Ей определенно не хватало ключевых частей. Мерай – хрупкая девушка. Особенно по меркам пустынного народа.

Королева в ее положении защититься не могла.

Но это не отменяло того, что Мерай совершенно не выносила вида крови. Принять ребенка предстояло Сольвэ. Мерай же дрожала и чуть ли не плакала, стоило только упомянуть, что ему нужен будет помощник в этом деле. Что ни говори, а отец дочек берег. Даже слишком.

Если Уголек еще могла взять в руки оружие, то Мерай бы просто потеряла сознание от одной мысли о бое с живым человеком.

И при этом она хладнокровно вскрыла женщину, достала ребенка и убила его?

Где взяла клинок? Покои и прислуга тщательно проверялись. Возле королевы всегда толкался Гедас, ее личный цепной пес. Он оружие бы учуял за милю. Если бы у Мерай обнаружилось что-то подобное, то уже утром ее голова украшала бы пику у входа во дворец.

Не вяжется. Не складывается! Не достала же она оружие из воздуха!

И над всем этим безумием мрачной, черной тучей висел один большой вопрос. Зачем? Зачем Мерай убивать королеву и наследника, подставляя всю семью под смертельный удар? Не могла же не знать, что король, в порыве слепой ярости, выкосит всех, кто хотя бы дышал с Мерай одним воздухом. И в первую очередь Сольвэ и ее сестру.

Разве что намеренно это устроила. Зачем? Опять тот же вопрос.

– Пришли, – тихий голос Уголька вернул его к реальности. В самом деле, коридор упирался в стену, а вверх вела шаткая лестница, тянувшаяся до самой массивной двери.

Сольвэ отпустил Мерай и услышал тихий вздох облегчения.

Рано расслабляешься, милая. Я еще даже не начал с тобой серьезно говорить.

Поднявшись к выходу, он с легкостью открыл хитрый замок и похвалил себя за то, что догадался все это время держать механизм в порядке.

Толкнул вперед, открывая дверь в вечерний полумрак. Ветер ударил в лицо холодной волной. Уголек вышла первой, сжимая руку сестры. Будто чувствовала, что Сольвэ может причинить ей вред.

Он мог. Видит мрак, он мог ее искалечить. Вломиться в ее сознание силой, выяснить, что произошло.

Гнев и удивление ослепили его. Всего на мгновение, но...

Осознание, что привычная жизнь только что развалилась на куски, обрушилось на Сольвэ всем своим весом. Чуть не подломило хребет. Он мог бы ждать удара от кого угодно. Точно знал, что после рождения наследника придется что-то решать. Возможно, продать особняк и покинуть восточный стигай. Или убедить королеву, что ей нужна забота лекаря.

Или добиться большего расположения Юлмажа: достаточного, чтобы не опасаться Красных Стрел.

Сольвэ не боялся людей. Он не боялся короля, но на его плечах была ответственность за чужую жизнь.

За любимую женщину.

И Мерай все это перечеркнула один взмахом клинка.

Закрыв дверь за собой, Сольвэ вычертил на ней защитные символы и отошел в сторону. Задержит, но ненадолго. Лучше убираться быстрее.

Уголек ждала его в стороне, не знала, куда двигаться дальше. Подтолкнув девушку к ближайшему узкому переулку, Сольвэ прислушался. Тишина. Липкая и гнетущая, совсем не похожая на привычные звуки вечернего города. Будто все разбежались по домам и затаились там. Люди чуяли беду.

Дом Анвезы был всего в двух сотнях ярдов от тайного выхода. Сольвэ верил старику, как себе, и очень надеялся, что тот не побоится приютить беглецов. В груди неприятно кольнуло при мысли, что давний друг может ударить в спину так же, как и Мерай.

Холодный ветер настойчиво пробирался под одежду, а запах гнилых фруктов и шалфея щекотал ноздри.

Сольвэ поглядывал на Уголька, но та держалась стойко. Не дрожала и не морщилась, хотя вытащить ее из дома пришлось чуть ли не в домашнем платье. Тонкая ткань совершенно не годилась для таких ночных вылазок. От холода ее кожа покрылась мурашками и была блее обычного.

В глазах застыла глухая тоска – темная, как грозовое море. Тонкие пальцы отчаянно сжимали руку сестры, а Мерай отводила взгляд. Упрямо хмурилась, вела себя вызывающе. Не как человек, совершивший первое в жизни убийство.

Убийство – это дурман. Она может и пристраститься. Сам знаешь, как это бывает.

О да. Он знал, какой сладкой иногда может быть кровь. Такова уж иномирская натура.

Тряхнув головой, Сольвэ разглядывал дома, выискивая нужный.

Остановившись у неприметной узкой двери, он тихо постучал. Не просто ударил по дереву, а отбил определенный сигнал, которому старик научил его еще десять лет назад.

Крохотное смотровое окошко распахнулось, и в проеме показалось обметанное ветром и солнцем лицо. Карие глаза смотрели настороженно, губы шевелились, будто старик собирался что-то спросить, но увидев Сольвэ, едва не подавился заготовленными словами.

– Чтоб меня разорвало, я уже отчаялся! – воскликнул он и скрылся из виду. Через секунду скрипнули засовы и дверь распахнулась, пропуская гостей внутрь.

Анвеза чуть ли не втокнул их в крохотную комнатку рядом с дверью, а сам выскочил на улицу. Вернулся только через пять минут, с пустым мешочком, от которого явственно несло пустынным дурманом.

– Ищек со следа собьют, а то вы всю королевскую армию под мои двери приведете, – проворчал старик и повесил мешочек на торчавший из стены крюк. Комната оказалась кухней, но такой маленькой, что разместиться там вчетвером оказалось почти непосильной задачей.

Сольвэ расположился прямо на полу, прислонившись спиной к стене. Мерай устроилась в углу, а Уголек держалась ближе к двери, будто собиралась сорваться и бежать в любой момент.

– Ваши дела – полная дрянь.

– Я в курсе, – ответил Сольвэ, скользнув взглядом по Мерай, – новости есть?

– Полная корзинка! – хохотнул старик и подошел к очагу. Собирался заваривать свой фирменный настой, не иначе. Сольвэ точно не откажется. В горле пересохло так, будто он дни напролет ел песок. – Могу сказать точно, что во дворце летят головы. Прислуги, стражи, приближенных короля. Юлмаж в бешенстве, жаждет крови! Все выходы из города перекрыты.

Ни туда, ни оттуда. Люди будут заперты, пока виновника не найдут. Король собирает силы и, если потребуется, он перевернет каждый дом. Тебя, кстати, приказано убить на месте. А этих двух малышей доставить королю.

– Какая честь, – Сольвэ невесело усмехнулся.

– Не секрет, что Юлмаж тебя боится. Не хочет рисковать, так что жди люзовый клинок в сердце.

– Почему он не приказал убить всех? – подала голос Уголек. Ее глаза казались такими огромными, что в них можно было с легкостью утонуть.

– Для развлечения, конечно, – от слов Анвезы девушку пробрала крупная дрожь, – Юлмаж – большой затейник! Так что легкой смерти не ждите.

– Откуда тебе все это известно?! – она сама не заметила, как повысила голос. Губы предательски задрожали.

– Мне мышка нашептала, – Анвеза усмехнулся и достал из шкафа глиняные чашки. В воздухе разлился одуряющий аромат груши, корицы и сушеной сливы. – Мыши, вообще, жутко болтливые твари! Они многое рассказывают. Особенно о том, как хрупкая малолетняя девка выпотрошила жену короля и его ребенка.

Анвеза уставился на Мерай. Было в этом взгляде что-то нечеловеческое, холодное. Будто старик видел ее насквозь.

– Замолчи! – взвизгнула Мерай и вскочила на ноги. – З-замолчи!

– Хочешь сказать, что это была не ты?

Ответом ему было угрюмое молчание.

– Даже если твое тело подчинила магия, то судить будут тебя, – сказал Анвеза.

– Должен же быть хоть какой-то выход из города, – Сольвэ сделал первый глоток. По мышцам разлилось мягкое тепло, разжались стальные тиски, сковывавшие затылок.

Слова Анвезы натолкнули его на интересную мысль. Иномирцы невосприимчивы к внушению. Но не Мерай. Забраться в ее разум мог кто угодно.

Или ты просто ищешь ей оправдание?

– Нет! – старик презрительно скривился. – Юлмаж обвалил тайные ходы еще лет пять назад. Оставил разве что те, что во дворце. Но ты, как я помню, не бессмертный. Так что о них нечего и мечтать.

– Старик, мне нужны варианты!

– Есть один. – Тонкие губы растянулись в хищной усмешке. – Ты и сам знаешь какой.

***

Сольвэ сжал пальцами виски и откинул голову назад, уперся затылком в прохладный камень. Волосы упали на влажный лоб, частично скрыв глаза. Время утекало сквозь пальцы невидимыми песчинками. Он вздрагивал от каждого шороха, готовый в любой момент вскочить на ноги и броситься в бой.

Иномирец понимал, что дурман не отобьет нюх ищек навсегда. Если старик не соврал, то очень скоро здесь будет отряд стражи. И начнет перетряхивать дом за домом, пока не найдет хоть крупницу запаха Мерай, а на это потребуется не так уж и много времени. Тайный проход и дом Анвезы разделяло всего ничего.

– Проклятье, – прошипел он сквозь стиснутые зубы.

Уголек переводила взгляд со старика на Сольвэ, и ей совершенно не нравилось то, что она видела. Над головой собирались тучи из множества тайн, к которым она даже не могла прикоснуться. С каждым мгновением вопросов становилось все больше, а ответов не намечалось. Сжав руки в кулаки, Уголек резко поднялась на ноги.

Сольвэ бросил на нее вопросительный взгляд. Золотые глаза потемнели, под ними залегли глубокие тени.

– Если у тебя есть план, то нужно им воспользоваться. Немедленно!

– Все не так просто...

– Подготовь все, что нужно, лекарь, – старик двинулся к лестнице на второй этаж, – а я посмотрю, во что можно переодеть твоих девчонок. Бежать в таких лохмотьях – самоубийство. Не на прогулку в сад идете, мрак тебя побори!

Кашлянув, Сольвэ сделал последний глоток и поднялся. Бросил на стол сумку с пузырьками, взятую из дома. Содержимое призывно звякнуло, но иномирец лишь гадливо поморщился.

– Что мы будем делать? – Уголек хотела помочь, но Сольвэ только отмахнулся, смешивая в чистой кружке содержимое флаконов. Забившаяся в угол Мерай наблюдала за происходящим со страхом и отвращением. Она всегда с опаской относилась к любой магии, хотя лекарский дар Сольвэ никогда не приносил вреда.

– Выход из города есть, – сказал он, – просто он не в этой реальности. – Поймав взгляд Уголька, Сольвэ встал так, чтобы она могла рассмотреть пузырьки и что происходит в кружке. – Когда-то в городе был мощный источник силы. И если у человека сильный врожденный потенциал, он мог воспользоваться им и переместиться на Изнанку во плоти. И не только на Изнанку. Врата можно открыть куда угодно. Но для начала нужно пройти по Красной Тропе.

– Что это? – Уголек склонилась над столом и завороченно наблюдала, как бурлит разноцветная жидкость.

– Это... как коридор, где множество дверей. Открыть можно не все. Некоторые заблокированы с другой стороны, некоторые ведут в пустоту, а некоторые опечатаны настолько сильными чарами, что никто не смог бы их вскрыть. У любого коридора есть вход и выход. Если пройти по Тропе, то мы окажемся за пределами города.

Глаза Уголька округлились от удивления, уголок губ предательски дернулся.

– Ты можешь проходить между мирами?

– Могу, – Сольвэ пожал плечами, – любой чистокровный иномирец может. При определенном умении.

– Никогда бы не подумала, – пробормотала она.

– Ты просто никогда не спрашивала.

Уголек опустила глаза, сделав вид, что рассматривает разноцветные люзовые флакончики. Слова укололи ее, и она даже не думала, что укол может быть таким болезненным. Сам Сольвэ знал о ней все. Буквально все! Вплоть до того, что она ест, сколько спит и как часто любит пить горячий яблочный настой.

Уголек не слишком любила беспокоиться о мелочах. Ее больше интересовала работа отца и его исследования, а не чужак, поселившийся в доме.

А тут такие открытия. И упрек, который явно проступил в голосе Сольвэ.

Старик вернулся с двумя плотными узлами.

– Переодевайтесь. Одежда мужская, но лучше, чем ничего.

Заметив их смущение, Анвеза хохотнул и вышел из комнаты. Сольвэ же был так погружен в свои мысли и подготовку, что ничего не замечал.

Уголек кашлянула, но он даже головы не поднял.

– Я не буду подглядывать. – Губы впервые тронула слабая улыбка. – И если оставлю зелье без присмотра, то оно испортится. На вторую попытку у меня просто нет ингредиентов.

Стиснув зубы, девушка отвернулась и стянула платье. В узелке оказались прочные штаны цвета влажного песка, свободная белая рубашка со шнуровкой и потертые сапоги, пережившие не одну милю пыльных дорог. Все это было завернуто в желтую накидку с капюшоном. Короткую, достававшую максимум до поясницы. Такие иногда носила стража, чтобы не путаться в складках. Длинные плащи в восточном стигае не были в почете. Быстро переодевшись, Уголек посмотрела на Мерай.

Та остервенело сорвала с себя окровавленную сорочку и тщательно затягивала шнуровку рубашки. Пальцы дрожали, никак не желая гнуться.

Сольвэ осмотрел Уголька с ног до головы и протянул кружку.

Жидкость напоминала расплавившуюся радугу, пузырьки на поверхности отливали небесной лазурью. Они лопались и оставляли на глиняных стенках розоватые разводы.

– Мы все выпьем это, – иномирец разговаривал с ней – мягко уговаривая – как с ребенком, который отказывался глотать горькое лекарство. Осторожно вложил кружку в дрожащую руку и сжал ее пальцы. – Ты почувствуешь слабость. Тошноту. Тело тебя подведет. Скорее всего, ты не сможешь стоять. Это всего на несколько минут, ты должна доверять мне.

Уголек не колебалась. Стоило только поднести кружку к губам, как в нос ударил острый запах полыни и мяты. Горечь прокатилась по языку, сжала горло в удушливом спазме. Уголек закашлялась, с трудом сделала глоток.

Нутро взбунтовалось, желудок подскочил, желая избавиться от отвратительного зелья. Зажав рот рукой, девушка отошла в сторону. Прикрыла глаза, чтобы не видеть разноцветных пятен, пльвших по комнате.

Второй глоток был для Мерай.

Она мешкала, но столкнувшись со взглядом Сольвэ, взяла кружку и решительно выпила часть зелья. Ее лицо побледнело еще сильнее, нос сморщился, а из горла вырвался сдавленный хрип.

Свою порцию Сольвэ выпил, даже не поморщившись. В лице ничего не изменилось, только чуть дернулся уголок рта, когда жидкость скользнула в желудок.

– И что дальше? – спросила Уголек.

Иномирец сел там же, где и сидел. Облокотился о стену и протянул ей руку. Девушка замерла на мгновение, но взгляд Сольвэ был почти умоляющим.

«Ты должна доверять мне».

Пальцы скользнули в протянутую ладонь. Кожа Сольвэ была обжигающе горячей, будто под ней кровь медленно закипала в жилах.

Мерай тоже робко подошла к иномирцу и устроилась рядом, почти облокотившись на плечо.

Голова и правда кружилась. Уголек едва успела сесть, прежде чем перестала чувствовать ноги. Тело будто накачали воздухом, колени превратились в желе. Она не смогла бы подняться даже под страхом смерти. Перед глазами все расплылось. Мир вылинял, превратившись в мешанину красного и серого.

Уголек чувствовала, что заваливается на бок, но чьи-то руки удержали ее от падения. С трудом сфокусировав взгляд, она рассмотрела лицо Анвезы. Старик что-то говорил, но слова слились в сплошной, неясный шум. Ее голова мягко коснулась пола. Единственное реальное ощущение – это рука Сольвэ, сжимавшая оледеневшие пальцы.

И Уголек отчаянно хваталась за него. Сдавливала ладонь, впивалась ногтями в кожу, оставляя на ней отметины. Даже казалось, что Сольвэ зашипел от боли, но руки не отнял. Только держал крепче.

Не давал провалиться во мрак. От этой мысли почему-то стало спокойнее – будто кто-то снял с плеч непосильную ношу и дал вздохнуть полной грудью.

***

Мягкое прикосновение к щеке, кто-то откинул со лба прядь волос. Веки такие тяжелые, что не удавалось открыть глаза с первого раза.

Уголек перевернулась на бок, уперлась рукой в землю. Острый камешек кольнул ладонь. Погодите. Камешек?

Глаза распахнулись, взгляд уперся в красную пыль. Резко поднявшись, Уголек пошатнулась и чуть не упала, а в нос ворвался странный запах прокисшего вина.

Осмотревшись, она увидела Мерай, сидящую на земле, точно в центре широкой красной ленты, тянувшейся через изменившиеся улицы города: изогнутые и изломанные, словно вывернутые наизнанку дома. У края дороги, через одинаковые промежутки, возвышались арки врат.

Совершенно одинаковых, поблескивавших изнутри угольной чернотой.

Ждущих, когда кто-то откроет их, познает секреты. Позволит жить снова.

По спине побежали мурашки, во рту пересохло. Странное давящее чувство разлилось в груди. Кто-то следил за ними. Пристально разглядывал чужаков.

– Уходим, – резко обернувшись, Уголек чуть не вскрикнула: Сольвэ подошел совершенно бесшумно. – Здесь опасно задерживаться.

– А как же Анвеза? – Мерай обхватила себя руками и затравленно осматривалась по сторонам.

– Он нас не выдаст, – жестко ответил иномирец и качнул головой туда, где виднелись защитные стены города. Уголек подумала, что идти придется далеко. – Мы теряем время. Если будем топтаться на месте, то местные заметят.

– Местные?

Сольвэ мрачно усмехнулся.

– В других мирах свои охотники.

***

Холодно. Так холодно, что тело сотрясала крупная дрожь. Мерай обхватила себя руками, но это не спасло. Взгляд прыгал с красной пыли под ногами на спину Сольвэ. Иномирец что-то говорил Угольку.

От вида, как бережно он касается руки сестры, в груди вспыхнуло нешуточное пламя. Оно могло рвать кожу, испепелять кости, нестись по венам густым бурлящим ядом.

Прикусив губу, Мерай не заметила, как тяжелая капля крови скатилась по подбородку и сорвалась вниз, чтобы через секунду смешаться с пылью дороги.

От ненависти дрожали колени, но она упорно молчала, даже не пыталась подойти к двум голубкам, переставшим замечать ее присутствие!

Где-то на границе слышимости зазвенел знакомый голос. Раньше она принимала его за свой собственный, но все сомнения развеялись у постели умирающей королевы. Он звучал ниже, совершенно не походил на женский и обладал такой силой, что Мерай едва ли могла послушаться звучащих приказов.

Даже не приказов, а мягких нашептываний. Незнакомец будто проникал в самые потаенные уголки души и выискивал там темные секреты. Мерай всегда держала мысли при себе. Уголек считала, что сестра ей полностью доверяет, но была бесконечно далека от истины.

Мерай ненавидела ту жизнь, что уготовила ей судьба. Ненавидела роль служанки. Ненавидела дом, пусть даже и бывала там редко. Ненавидела запах лекарств, холодные пальцы королевы, что мягко касались запястья, когда требовалось подать бокал или тарелку. Ненавидела бессонные ночи у чужой постели. Ненавидела сестру.

Особенно сестру. За любовь Сольвэ. За его слепую, безоговорочную преданность. За то, что готов ждать только ее одну.

Мерай почти перестала появляться дома, но и это не принесло облегчения.

Лекаря она видела в назначенное время. И всегда сталкивалась с учтивым безразличием. «Принеси. Поддай. Подержи. Три капли перед сном, не больше».

И спрашивал он, когда Мерай будет в особняке не потому, что скучал, а потому, что скучала сестра.

И однажды нашептывания стали настойчивее. А Мерай устала сопротивляться.

В просторных покоях королевы взгляд сразу наткнулся на люзовый нож, лежавший на высокой тумбе у двери. Королева всегда держала его под рукой, чтобы вскрывать письма. Или резать фрукты. Она любила управляться сама, представлять, что здорова и самостоятельна.

Мерай часто наблюдала, как она надрезает сочную мякоть персика. Умело и уверенно, несмотря на то, что руки мелко дрожали от напряжения.

Королева прятала нож от короля, опасаясь, что он отнимет это единственное свидетельство ее независимости.

Юлмаж и так забрал достаточно, превратив жену в хрупкую статуэтку, с которой время от времени было позволено аккуратно сметать пыль.

Нож лежал без присмотра, а ведь не будь он на привычном месте – и Мерай, скорее всего, не смогла бы исполнить приказ. Сбежала бы, молила бы Сольвэ о помощи.

Возьми!

Голос громыхнул в голове. Накатил холодной волной, пробежал невидимыми пальцами по спине, играя на позвонках, как на музыкальном инструменте. От неожиданности Мерай толкнула локтем вазу с цветами. Та с грохотом упала на пол и разлетелась сверкающими осколками. Вода брызнула в стороны, а свежие лилии рассыпались у кровати. Королева только поморщилась, но ничего не сказала.

Она вообще редко ругала Мерай. Относилась к молодой служанке с пониманием и сочувствием. Знала, что сидеть с прикованной к постели госпожой – сомнительная радость. Золотистые волосы рассыпались по плечам, сверкающей волной струились по груди, по белоснежной сорочке.

Возьми!

Рука дернулась, пальцы ухватили загустевший воздух. В покоях было до странного душно. Одурачивающий аромат лилий сдавливал виски.

Лилии – символ смерти. Кто только догадался принести их королеве?

Рука потянулась к ножу, сжала ручку. Орудие было слишком коротким, но Мерай едва ли понимала, чья это мысль. Неизвестного? Ее собственная?

Королева даже не вскрикнула. Только захрипела протяжно после первого удара по горлу. Мерай ударила еще. И еще! Кровь до самого локтя укрыла руки как блестящая глазурь, громко затрещал белый шелк.

Вскрыть человека не сложнее, чем вскрыть животное. Всего лишь плоть.

Она мягко разошлась в стороны, стоило только лезу коснуться бледной кожи.

Ужас пришел потом. Настолько всепоглощающий, что Мерай даже не заметила, как нож медленно входит в ее собственное тело. Голос растворился, она могла поклясться, что некто с усмешкой наблюдает за ее действиями. Умри она в покоях – и ничего бы не изменилось.

Король все равно пришел бы за Сольвэ и Угольком. Мерай – лишь пешка в чужой игре. Она не важна.

– Мерай!

Она вздрогнула, подняла взгляд. Мысли настолько поглотили ее, что из головы вылетела и красная дорога, и арки странных врат, и опасность, что притаилась впереди.

Мерай не заметила, что Сольвэ держит ее за локоть и всматривается в лицо. Ищет что-то? Ответы на вопросы? Страх или сожаление?

Мерай хотела бы чувствовать сожаление, но ничего похожего не было. В груди клокотало раздражение – и только.

Тебе не жаль, служанка.

– Не жаль, – пробормотала она.

– Мерай?

Она тихо засмеялась. Через мгновение смех перерос в безудержный хохот, от которого кровь стыла в жилах. Сольвэ не отшатнулся, попытался коснуться дрожащей руки, но хлесткая пощечина оставила на коже красный отпечаток. Мерай метнулась в сторону, к краю дороги.

– Не сходи с тропы! – иномирец бросился за ней, в спину летел испуганный окрик Уголька, но Мерай уже ничего не слышала. В голове колокольным звоном разносились обещания. Сладкие обещания незнакомца.

Невидимого для других, но ждавшего ее там, у края красной ленты, тянувшего к ней руку из крошечной мглы неизвестного прохода. Белокожий, высокий, в глазах – живой огонь. Лишь один этот взгляд обещал ей многое.

И Мерай не собиралась отказываться. Протянула ладонь, коснулась крепких пальцев. Мир вокруг наполнился оглушительным воем и разлетелся битым стеклом.

Мерай исчезла. Растворилась в иной реальности, оставив за спиной ошеломленного Сольвэ.

Слез сестры она уже не видела.

Да и мрак с ней.

***

– Ч-что это было? – пролепетала Уголек. Сольвэ не ответил, и она схватила его за руку, дернула, заставив повернуться, чуть не закричала в искаженное от удивления лицо. – Что это было?!

– Она прошла через ворота. Но они были закрыты, всего минуту назад!

– Прошла куда?! – Уголек не чувствовала обжигающей влаги на щеках, перед глазами все поплыло. – Куда...

– Я не знаю, – тихо ответил иномирец.

– Ч-что тебе сгореть! – рявкнула Уголек и хотела было рвануться к темному проему арки, но Сольвэ до боли сжал ее запястья. – Пусти, раздери тебя мрак! Пусти! Я никуда не пойду без Мерай!

Сольвэ даже не подумал ослабить хватку.

– Нет времени, слышишь?! Мы не можем задерживаться. Одумайся!

– Ты сошел с ума! Мерай...

– Мы эти ворота не откроем, – он обхватил ладонями ее лицо, – посмотри, видишь? Символы на краю арки. Их можно распечатать только с другой стороны, но наверняка есть и другие входы. Есть другие, и мы их найдем! Но сейчас мы должны уйти. Немедленно!

Уголек всхлинула и толкнула Сольвэ в грудь. Его пальцы вычертили на бледных щеках влажные дорожки. Иномирец помрачнел, золотые глаза потемнели, налились тревогой и горечью. Он повел плечами, будто прогоняя мимолетное оцепенение, и указал туда, где виднелся конец дороги.

– Уходим.

Уголек держалась в стороне, куталась в накидку и недобро поглядывала на своего провожатого. В груди все скручивалось и кипело.

Если с Мерай что-то случится, я, клянусь Пожинающим...

Через двадцать шагов рядом что-то хрустнуло. Обернувшись, Уголек застыла, всматриваясь в песок.

Нечто двигалось там, перекатывалось и тянуло щупальца к ней. Можно было только рассмотреть плоское, как лист, тело. Полупрозрачное, покрытое сеткой крупных сосудов, точно паутиной. Оно ползло по мягкому песку и ощупывало все вокруг, выискивая добычу.

От отвращения накатила волна тошноты, и Уголек шагнула ближе к центру тропы.

Что-то ухватило ее за рукав, вырвав из горла невольный возглас.

– Быстрее. Они уже знают о нас.

Уголек не стала спорить и почти побежала вперед, подгоняемая иномирцем. Странные плоские твари появлялись отовсюду и только казались медлительными и тяжелыми. Стоило всего лишь моргнуть – и две таких полупрозрачных «тарелки» выползли на середину дороги.

Сольвэ рванул девушку за руку в сторону, едва не уронив. Уголек зло оскалилась и невольно зашипела.

Казалось, что конец тропы – вот он, рукой подать. Мимо проносились арки закрытых переходов, а впереди пространство мягко вибрировало и мерцало.

Выход!

Не успела Уголек обрадоваться, как щиколотку пронзила острая боль. Споткнувшись, девушка кубарем покатила по земле и только чудом не угодила точно в щупальца еще одного хищника. Резкий рывок – и она уже на руках Сольвэ, до боли впивается ногтями в крепкие плечи. От щиколотки вверх растекался жар. Каждый дюйм кожи подрагивал и пульсировал.

С влажным чавканьем прямо перед ними шлепнулись еще две твари. Сольвэ замер, глаза выискивали хотя бы крохотную лазейку, но тропу перекрыли и с боков, и за спиной. Хищники взяли добычу в плотное кольцо. Можно было попробовать перепрыгнуть, но за первыми рядами уже строились новые. Танец щупалец не прекращался ни на секунду.

Нет, все не может закончиться вот так. Не может!

Воздух загустел. Раскалился. Уголек подумала, что стало слишком жарко – словно мир вокруг превратился в печь и кто-то усиленно подкидывает дрова. Прежде чем она успела подумать о чем-то еще, ближайшего хищника сотрясла крупная болезненная дрожь. На теле расплылись красные пятна, а затем и угольная чернота. Все это происходило в полнейшей тишине, только потрескивала тлеющая плоть и щупальца били по песку.

Тварь агонизировала, и через секунду к ней присоединились еще три собрата.

Температура повышалась стремительно. Колени Сольвэ подогнулись, и он рухнул на землю прямо со своей ношей, придавленный, буквально вбитый в кровавую тропу нестерпимым жаром, бурлившим в венах. Уголек хотела что-то сказать, но слова так и истлели на языке, сметенные горячей волной. Сердце болезненно трепыхнулось в груди.

– Остановись! Сожжешь же их нахрен.

– Я предупреждал, что не смогу себя контролировать!

– Тогда иди вон, я сама все сделаю!

– Не поднимешь ведь...

– Проваливай, и скажи Аргумиранс держать проход открытым.

Над головой раздалось недовольное шипение, и чьи-то шаги у самого уха. Уголька аккуратно перевернули и коснулись щеки. Она едва разлепила глаза, но силуэт расплылся. Даже лицо не удалось рассмотреть.

– Не трогай, – сиплый шепот Сольвэ прозвучал где-то в стороне.

– Расслабься, иномирец. Потом мне спасибо скажешь.

Голос определенно был женским. Но задуматься об этом Уголек не успела.

Интерлюдия I

Впервые Ш'янт пришел в мои сны через месяц после побега из башни.

И стал частым гостем после этого. Точно знал, что я жду и засыпаю с предвкушением и опаской: а вдруг не явится сегодня?

В первый же раз Ш'янт в сон прокрался. Неуверенно и робко, будто прощупывал меня, хотел посмотреть, что его ждет. Подступал так и эдак, высматривал и запоминал.

Так вор входит в чужой дом.

Может, он тайно надеялся? Вдруг на таком расстоянии связь истлеет, и однажды я проснусь свободной? От подобных выводов меня бросало в гневную дрожь, ведь я могла совершенно точно сказать, что не хотела свободы. Я не хотела ее еще тогда, в Беренганд, хотя была слишком напугана и разбита, чтобы это признать.

Я стыдилась тяги к незнакомцу, стыдилась родившегося влечения, а шуточки Ш'янта только подливали масла в огонь. Мы знали друг друга несколько дней, а я готова была провести с ним вечность. Но поняла это куда позже.

Артумиранс не пыталась меня остановить, когда дни и ночи я просиживала над картами. Когда работала без еды и сна, чтобы собрать воедино все фрагменты разрозненного рецепта, позволявшего открыть врата в нужный мир. Чего только стоило этот рецепт найти!

Но однажды и у нее назрел серьезный разговор.

Провидица зашла в комнату без стука. Знала, что прятать мне нечего. Села на край кровати, пристально наблюдала, как заполняю дневник. Я старалась не пропускать ни дня. Мир быстро менялся. Куда быстрее, чем бежали строчки чернил по бумаге. Я не хотела забыть.

Была обязана все помнить.

– Я никогда не встречала таких упрямых людей, – сказала Артумиранс. Она улыбалась – я чувствовала это по интонации.

– Это укор? Или похвала?

– А ты как думаешь?

Я ненавидела эту игру в вопросы, и Артумиранс об этом знала. Но не упускала возможности не отвечать, а вытягивать ответы.

– Ш'янт бы меня точно не похвалил.

По комнате разлился тихий смех.

– Милая, он оставил свой мир. Пришел к людям без малейшего шанса на победу, бросился в лапы Первородной, готовый перегрызть ей горло или быть убитым. Не из-за власти или силы, а из-за мести за одну единственную женщину. Он настолько упрям, что даже умереть толком не мог, а так и завис между реальностями, пока я не собрала его дух здесь, в этой самой комнате. В плане упрямства он еще даст тебе сто очков форы. Но я хотела поговорить не об этом.

Артумиранс встала и подошла к столу. Я почувствовала, как тонкие пальцы сжимают плечи. Провидица поглаживала кожу, не прикрытую ничем, кроме двух тонких бретелек белой простой майки. Успокаивала меня незатейливой лаской.

– Прошло достаточно времени. Первое потрясение отступило. И мне нужно знать, что ты настроена серьезно.

– Не поздновато ли отступить? – хмыкнула я.

– Я хочу сказать, что одного упрямства недостаточно. Если работать на нем одном, то цель скоро станет неподъемным грузом, и ты захочешь его сбросить. Люди не железные. Им нужно что-то большее.

Я поджала губы, и Артумиранс заметила этот жест в зеркале, висевшем над столом.

– Сейчас самое время поладить с собой, детка.

– Я сожалею, – ответила тихо, а провидица нахмурилась, – сожалею, что не была сильнее. Сожалею, что не заставила его взять меня с собой, что не рядом сейчас. Видит Пожинающий, Ш'янту пригодился бы лишний клинок. Сожалею, что не сказала всего, что хотелось. Мне было стыдно, Артумиранс. Я своей тяги стыдилась. Не знала его – у нас было так мало времени. Я думала лишь о том, что со мной будет, упрекала его за то, что забрал силой имя. Упрекала заслуженно, но... – я обернулась и поймала ее взгляд, – знаешь, в чем ирония? Ш'янт единственный, кому было дело. Он видел во мне живого человека. Не сразу, конечно, но увидел потом! И не относился, как к кукле или сосуду для чужой души. Проклятье, он ведь мог меня бросить, понимаешь? Отдать имя и махнуть рукой! Сбежать, куда глаза глядят, но не сделал этого. Влез между мной и Первородной. Граци со мной не согласится, но я считаю, что Ш'янт этому миру ничего не должен.

– И что же сейчас? – осторожно спросила Артумиранс.

– Я знаю, что он ждет. Я знаю. Все это не случайно. Все, что произошло с нами – не ошибка. Он мой, – я позволила себе улыбнуться, – и я приду, чтобы сказать все прямо, слышишь? Я не боюсь. Мне не стыдно больше. Но ты ведь и так это знаешь, да? Книга никогда не врет.

Провидица сжала мое плечо, пробежала пальцами по затылку.

– Книга книгой, а я должна услышать это от тебя. Чтобы в самый ответственный момент ты не сошла с выбранной тропы, обрекая меня и Граци на смерть.

Я похлопала ее по руке и вернулась к дневнику. Мне предстояло еще многое записать.

Артумиранс какое-то время наблюдала, как перо скользит по бумаге, а потом ушла, оставив меня наедине с записями. В коридоре послышались голоса. Граци вернулся домой и что-то тихо спрашивал. Стало грустно от мысли, что это последний день, проведенный под родной крышей. Завтра на рассвете мы покинем город. Кто знает, вернемся ли сюда еще, ведь все изменилось. Мир уже совсем другой. Почему-то казалось, что сбежать в другую реальность – лучшее решение.

В голове роилось столько мыслей, что не было сил все их выстроить в ряд. Хотелось просто уткнуться носом в подушку и уснуть.

Это я и сделала, поняв, что не могу больше выдавить из себя ни строчки.

Погасив лампу, я повалилась на кровать и глубоко вдохнула привычный аромат ландышей и шалфея. Где-то в самом дальнем уголке сознания трепыхалась мысль, что очень не хватает запаха жимолости.

***

Мне давно пора было отметить несколько вещей, которые всегда стоит помнить о Ш'янте. Он импульсивен и иногда включает дурака.

Что, разумеется, всегда отрицает. Замкнутый круг.

Ему же пришлось запомнить раз и навсегда только одно.

Свободы не будет, пока смерть не разлучит нас. Меня лично это устраивало.

В первый его визит я даже не сразу почувствовала перемены. После Изнанки сны стали особенно яркими, будто я унесла частичку того мира с собой. Они наполнились отголосками прошлых приключений, страхов и бед. Иногда приходили и сладкие видения, о которых я бы не рассказала ни одной живой душе. Даже собственному дневнику я не поведала всех тайн. Знала, что Артумиранс его иногда листает. Она думала, что я не замечаю.

Ш'янт принес с собой туман и сумрак. Прохладу погибшего сада, которого я никогда не видела. В этом сне солнце всегда клонилось к закату, а на земле чернел иномирский снег. Где-то в стороне маячил остов древнего замка: разрушенного и увитого высохшим виноградом.

Под высоким деревом, скрюченным и сгнившим, стояла массивная скамья.

Я подавилась дыханием, заметив знакомый силуэт. Случись эта встреча раньше, я бы задохнулась от гнева. Бесновалась бы, рвала и метала, выкрикивала проклятия, давилась яростью, обидой и глухой тоской. Полгода назад я была брошена и до глубины души оскорблена.

Я осталась одна. Иномирец как истинный эгоист принял решение за двоих.

Сейчас же перед Ш'янтом предстанет совсем другой человек. И это пугало и нервировало меня куда больше, чем его внезапное появление. Проклятие, я осталась в той же нелепой майке, в какой и легла спать! Она едва ли прикрывала бедра, и я не сомневалась, что стою красная до самых кончиков ушей. Даже во сне можно неслабо смутиться.

Я ступевалась, хотела даже отвернуться и бежать, куда глаза глядят, но сны так не работают. Мысленно обругав себя за малодушие, шагнула к скамье.

– Я скупал, – вдруг сказал он.

В горле предательски запершило, а в уголках глаз скопилась соленая, жгучая влага.

Рука потянулась к крепкому плечу, увитому знакомым узором черных лент, но сам мир будто отталкивал меня. Пальцы могли ухватить лишь пустоту.

Ш'янт походил на плотный дым, на призрачную фигуру, что может растаять от малейшего дуновения ветра.

– Иномирцы не спят. – Я могла сказать точно, что он хмурится и поджимает губы, хотя не видела лица. – В каком-то смысле, меня здесь нет.

Я обошла скамью по широкой дуге. Где уж там смущению меня удержать!

Я хотела видеть его, впиваться взглядом в черты: в высокие скулы, острый подбородок, скользить взглядом по губам, по волосам, ставшим заметно короче. Густая грива забавно топорщилась на затылке, а пряди подлиннее падали на высокий лоб, прикрывали алые глаза.

Мне было отчаянно необходимо в них заглянуть. Узнать, о чем Ш'янт думает.

Перед ним уже другая девчонка.

Граци выбил из меня последние крохи детского восторга и хрупкости, стряхнул шелуху, взвалил на себя роль отца. Я не просила, но...

Наверное, не смогла бы пожелать для себя лучшего родителя. Податливую глину Граци превратил в металл. И выковал из него все, чем я сейчас являюсь.

Запоздало пришла мысль, что я – не то, что обычно нравится мужчинам. Долговязая, совершенно лишённая девичьей грации, с крепкими руками воина, неровно обрезанными короткими волосами. Кожа давно огрубела, а из-за бесконечных тренировок на солнце покрылась загаром, отчего веснушки проступали сильнее обычного.

Наши взгляды столкнулись – и вот-вот в разные стороны полетели бы искры, подожгли высохший чёрный лес и весь мир вокруг. Кожа вся в мурашках, хотя иномирец даже не прикоснулся. Волосы на затылке встали дыбом, а в горле сухо, как в пустыне.

Мне было больно. Я хотела услышать вердикт. Жаждала окончательного приговора.

Что ты видишь, иномирец? Ты разочарован? Расстроен? Ты тянулся к хрупкому цветку, но его больше нет. Мне жаль, что так вышло.

Но в глазах Ш'янта отразился немой восторг. Губы дрогнули в слабой улыбке.

Локти упирались в колени, а пальцы сплелись под подбородком. Я замерла, не в силах оторвать взгляд от красивого лица.

Вообще, впервые позволила себе думать, что Ш'янт, мрак его раздери, красив. Слишком, непозволительно хорош.

Сердце бухнуло в груди, руки сами потянулись к тонкой линии рта, но снова провалились в пустоту. Метка на груди бесновалась, разливая по венам сладкий горячий яд. Меня насмешливо рассматривали из-под веера чёрных ресниц, а я тяжело сглотнула, и жар пробрал до самых костей. Ещё чуть-чуть – и задымились бы волосы.

Я больна. Я, несомненно, больна.

– Подойди, – в голосе плескались обманчивая мягкость и терпкая горечь.

Он протянул руку, будто и правда мог дотронуться, а я подалась вперед, уперлась коленом в край скамьи. Нависла над иномирцем. Смотрела сверху вниз, пока была такая возможность. Вжалась ладонями в спинку у его плеч и почувствовала, как холод металла прошёл запястья. Видела, как зрачки Ш'янта медленно заполнили радужки, как трепетали ноздри. Острый коготь коснулся изгиба шеи. Прошел насквозь, будто вспорол плоть, как бумагу, но это была лишь иллюзия. Не останавливаясь, по-хозяйски скользнул по ключицам и вниз, к вырезу майки.

Чуть сместившись, я видела, что второй рукой он мягко двигался вдоль бедра. Не касаясь, прочерчивал огненный след от колена к боку.

– О чем хотел поговорить? – выдохнула сквозь стиснутые зубы. Я могла поклясться, что ещё чуть-чуть – и острые когти сдавят тело. Как никогда ясно я ощутила ту беспомощность, с которой Ш'янт жил годами, лишённый простой радости чужого прикосновения.

– Из головы вылетело, – ответил он хрипло, переместив ладонь с бока на живот. В глазах вспыхнули золотые звезды, улыбка стала привычно-искристой, но я не могла не заметить, как

пульсирует жилка на виске, как чуть приоткрылись губы и из груди вырвался тяжелый вздох. Заметила, как кончик языка коснулся острого клыка. Длинного, как у хищного зверя.

Из головы вылетело? Не у тебя одного. Я точно забыла половину слов, что собиралась сказать при первой же встрече.

– Почему не приходил раньше?

– Не мог, – Ш'янт раздраженно передернул плечами. – Это не так просто, как кажется. Если бы не связь, то мы бы не разговаривали.

Я наклонилась вперед и в подробностях представила, как утыкаюсь лбом в его плечо. Душу бы продала за одно только мгновение! За единственное касание. За привычный запах, который уже давно не ощущался так остро, как раньше. Словно он медленно таял, пока мы порознь. Истончался. Отсчитывал секунды до того момента, когда я вообще перестану его чувствовать.

– Я все еще жив, – Ш'янт будто ощутил мое смятение. – И мы принадлежим друг другу, пока дышим. Никакое расстояние это не изменит.

Сердце кольнуло. Он словно слышал, о чем мы с Артумиранс говорили только что.

Он мой.

Так и есть. Мы принадлежим друг другу. Ш'янт чуть сместился и указал рукой мне за спину.

– Я хотел показать тебе кое-что.

Мир погибшего сада исчез, как и замок, и обвивавший его сухой виноград. Исчезло черное дерево и колкий холодный снег под ногами. Все затянула пелена тумана – алого, как кровь. Стало не по себе. Я пожалела, что во сне нет привычного оружия, – будто голой вышла сражаться против стаи бешеных волков.

Присутствие Ш'янта ободряло.

Он держался уверенно и спокойно, наблюдал, как реальность вокруг искажается, открывая мне картину красного густого леса. Я смотрела на него сверху вниз, буквально стоя на воздухе над верхушками переплетенных крон. Листья шумели, как могли бы шуметь стеклянные колокольчики – отчего-то я точно знала, что они стеклянные – а вдалеке темнел горный хребет.

Все это выглядело предельно... нормальным. Ничем не отличалось от любого стигая, что я видела в Рагур'ен.

– Смотри туда.

Проследив за Ш'янтом, я невольно затаила дыхание.

В небе протянулась широкая трещина. Темная, с рваными острыми краями, светившаяся лиственной зеленью. Но даже не это заставило сердце пропустить один болезненный удар.

Что-то смотрело на мир оттуда.

Что-то совершенно чужеродное, нечеловеческое и дикое. Голодный зверь, который еще недостаточно силен, чтобы рвануться в погоню за добычей, но уже присматривается, куда бы лучше вонзить острые клыки.

Я чувствовала кожей, как нечто разглядывает земли внизу.

– Оно еще спит, – проговорил Ш'янт, склонившись над моим плечом, – но это лишь вопрос времени.

Я никогда не слышала, чтобы он говорил таким тоном. От привычной смешливости не осталось и следа.

– Первородная выбрала этот мир не случайно. Она ищет, как пробудить... это.

Губы сами собой растянулись в хищной усмешке. Что ни говори, а упрямство богини внушало уважение.

– Хочет новое тело? Не великовато ли будет?

– Догадливая девочка, – хохотнул иномирец. – Первородная всегда была жадной, но тут переплюнула сама себя.

– И как долго оно еще будет спать?

Лицо Ш'янта помрачнело.

– Не могу судить, но трещина быстро растет. Первородная обзавелась здесь силой и помощью. Местные твари от нее в восторге, чего нельзя сказать об отношении ко мне.

– Я приду, – сказала я и повернулась к иномирцу. Казалось, что нас разделяли считанные дюймы, а на деле – целые миры. – Приду за тобой. Ты только дождись.

– Пока есть возможность, я буду тебя навещать, – Ш'янт нахмурился, а в черной глубине зрачков плясали ураганы. И небо над головой темное, как и его глаза. Будто все вокруг – часть иномирской души, и это я – гость, которому позволили заглянуть в тайный сад. – Я хочу, чтобы ты была готова. И я сейчас не только о борьбе со злом и спасении мира говорю.

Упрямо расправила плечи, вскинула подбородок. Молилась о том, чтобы загар скрыл пылавшие от смущения щеки.

– Я буду, вот посмотришь!

Пока смерть не разлучит нас, иномирец. Так и знай!

Глава 3. Искры и пламя

То, что девушка пользуется кличкой, а не именем, меня искренне повеселило. Это было забавно, с каким бы серьезным выражением лица иномирец не обращался к несчастной «Уголек». Как ни странно, а прозвище девушке шло.

Волосы чернющие, переливчатые тугие локоны, изрядно растрепанные и спутанные после вынужденного бегства, так и просились в руку. Хотелось коснуться их и пропустить через пальцы.

Кожа белая, как молоко. Совершенно несвойственная для восточного стигая внешность – будто девушка неместная.

Иномирец – полная противоположность своей подопечной. Беловолосый, загорелый и высокий. Беспокойные золотые глаза.

Такого не обманешь. Душу вытрясет и в клочья разорвет, если потребуется. Он что-то колдовал над ногой девушки и нашептывал ободряющие слова. Зеленоватые искры скользили по коже, и каждый тихий вздох Уголька иномирец воспринимал как собственную боль. Он даже хмурился с ней синхронно, поглаживал тонкое запястье, мягко сжимал дрожащие пальцы.

«Безнадежно влюблен», – вынесла вердикт.

Взгляд Граци выражал полное согласие.

– Кто вы такие?

Голос не дрожал. Вообще, складывалось впечатление, что иномирец – хозяин положения, а мы должны отчитаться как нашкодившие дети перед нянькой. Мне нравилось, что отвага мужчину не покинула. Она ему пригодится.

– Я все объясню, только бы убраться в безопасное место. Хватай свою любовь и пошли.

Я не собиралась никого смущать, но, судя по покрасневшему от гнева лицу девушки, поняла, что все куда сложнее, чем казалось на первый взгляд. Метка под курткой слабо дернулась – будто Ш'янт следил за разговором. Оставалось только гадать, осудил бы он меня за прямолинейность или рассмеялся, глядя на вытянувшееся лицо собрата.

– Как тебя зовут, иномирец?

– Сольвэ, – ответил он. Уголек оттолкнула протянутую руку и встала сама. Обожгла меня таким взглядом, словно я только что вырезала всю ее семью.

Детка, что с тобой не так?

Граци едко усмехнулся, отчего девушка совершенно смешалась. Ничего, привыкнет. В присутствии змея даже камни чувствовали себя неудобно.

В трех милях от города было небольшое каменное укрытие. Три высоченные глыбы, соприкасавшиеся вершинами, походили на величественный шатер. Камень был гладким, мяг-

кого желтоватого оттенка, отполированный ветрами, солнцем и песком. Из-за расположения глыб между ними можно было с легкостью развести костер, не опасаясь, что его заметят из города.

Сольвэ то и дело оглядывался и что-то высматривал. Он пытался сохранять невозмутимое выражение лица, но беспокойство то и дело прорывалось на поверхность. Уголек угрюмо молчала, думала о чем-то своем.

Граци не отставал от меня ни на шаг. Чуть наклонив голову, он заговорил тихо, чтобы чужаки не услышали.

– Хвост проблем за спиной.

– Это очевидно, – ответила я. – Из города так просто не убегают. Под покровом ночи, без оружия и припасов. Самоубийство, не иначе. Вопрос только – кого иномирец и его женщина приведут за собой.

– Уверена, что он вообще в силах нам помочь?

– Я уверена только в том, что Сольвэ – чистокровный. Таким легче прорываться сквозь миры. Артумиранс пройти не смогла, но он, возможно, сможет.

– А если нет?

– Я не хочу думать об этом сейчас, – передернула плечами и умоляюще посмотрела на Граци. Змей только кивнул.

Граци из той породы, что всегда сомневается, и единственные моменты, когда он мог рвануть вперед очертя голову – это в бою. Потому что видит Пожинающий, а Граци никогда не проигрывал. Что же касалось повседневных вещей: выбора направления, места для стоянки и прочего – змей мог впасть в состояние «все подвергну сомнению» на часы.

Путешествие в восточный стигай исключением не стало.

Я украдкой поглядывала на Сольвэ, пытаюсь понять, на что он способен.

Шянт без оружия был так же опасен, как и с ним, но Сольвэ такого чувства не вызывал. Он был хищником, несомненно. Крепок, хорошо сложен, с совершенно идеальной осанкой. Выражение лица бесстрастное – будто он не в пустыне, далеко от дома и защитных стен, а по саду прогуливается.

Думаю, что с клинком в руке он смотрелся бы великолепно, но мог ли иномирец сражаться? Смотреться – это одно, а уметь обращаться – совсем другое. Лекарь и воин в моей голове в единое не складывались.

Уголек выглядела бесполезным мешком костей: руки тонкие, пальцы хрупкие. Девушка ни разу не держала ими ничего тяжелее десертной ложки, и я могла бы поставить на это целое состояние. Ее плечи мелко подрагивали, и стоило нам столкнуться взглядами, как кровь отливала от и без того бледного лица.

Глаза то и дело цеплялись за черный палаш на моем поясе и пару белесых шрамов, что были видны в вырезе куртки.

Впрочем, не стоило судить поспешно.

Когда добрались до камней, я вздохнула с облегчением. Завернув за одну из глыб, я увидела слабый отблеск небольшого костра. Артумиранс поддерживала крошечное пламя, не позволяя ему разрастись, подкидывала в огонь сухие травы и тонкие веточки. Вокруг вился слабый аромат шалфея.

Я внимательно наблюдала за Сольвэ и с удивлением отметила, что провидица ему хорошо знакома. В золотых глазах мелькнуло узнавание.

– Не может этого быть, – выдохнул он.

Артумиранс поднялась, закрыла книгу, что писала в свете костра. Подошла к Сольвэ мягко, казалось, даже не касаясь ступнями земли. Она подняла руки и молча попросила обнять ее – что иномирец и сделал.

Обхватил хрупкие плечи, прижал к груди. Так брат мог бы приветствовать сестру спустя долгие годы разлуки.

Артумиранс рядом с ним выглядела такой маленькой и хрупкой. Сольвэ уткнулся лицом в белоснежные волосы, заплетенные в небрежную косу, а провидица гладила его по голове, как ребенка, которому страшно ночью без мамы.

– Как же так? – спросил он, отстранившись. – Я думал, что...

– Мой милый друг, ты слишком много думаешь, – с улыбкой ответила Артумиранс и похлопала иномирца по груди. – Садитесь. Поговорить нужно о многом, а времени совсем мало.

Я повернулась к Угольку и заметила, как та от напряжения закусила губу и переводила взгляд с Сольвэ на провидицу.

Что, милая, не привыкла делить слугу ни с кем другим?

***

Тепло костра меня разморило.

Спать было нельзя: возможно, уже через час пришлось бы сорваться с места и уходить, но я ничего не могла сделать. Устала. Пришлось облокотиться на гладкий камень, устроиться удобнее, чтобы наблюдать за беседой. Граци будто прочитал мысли и принес что-то в тяжелой фляге.

Отвинтив крышку, я глубоко вдохнула горьковатый запах ореховой настойки.

Змей уместился рядом, плечом к плечу, недовольно кряхтя. За эти месяцы он так и не смог полностью привыкнуть к человеческим ногам: все время жаловался, что с хвостом было удобнее, но возвращать его не решался. В мире и так все были на нервах: ходили, друг на друга косо поглядывали – только и ждали, когда кто-то оступится или скажет что-то не то; а уж если ты иномирец – пусть только полукровка – то вообще лучше на глаза смертным не попадаться.

Я пыталась не думать о том, что будет после того, как мы найдем Ш'янта. Даже не допускала возможность, что у нас не получится, старалась мысленно говорить «когда», а не «если».

Проблемы мира все это время оставались где-то за границей моих личных интересов, не трогали душу и не запускали пальцы в сознание, но будущее неумолимо. Оно не станет ждать, когда я буду готова его принять.

Что будет с нами? Куда мы уйдем? Жить среди людей – не для меня. Граци и Артумиранс – семья, которая стала мне куда ближе любого смертного. И не было среди людей такого человека, к которому я питала хоть какие-то теплые чувства: матушка и Киран мертвы, так что возвращаться мне было не к кому, и не смогла бы я этого сделать после всего.

Мое место не с ними.

Первый глоток настойки обжег нутро, испепелил все на своем пути. Я едва сдержалась, чтобы не разразиться громким кашлем.

Второй – пошел легче, будто в горле не осталось ни клочка живой плоти, и питье проскальзывало внутрь без малейшего сопротивления. По телу пробежала приятная теплая волна, забравшая усталость и подарившая мне еще немного сил.

Артумиранс говорила тихо, слова мягко перекатывались над костром. Сольвэ все больше хмурился. Провидица рассказывала все: о квартале в столице, где жила, о том, что Ш'янт потерял тело, но вернулся три года назад, о Первородной, о Клаудии.

О Беренганд.

О том, как мы отыскивали единственные пригодные для перехода врата во владениях Черного короля.

На этом месте Сольвэ, кажется подавился, и в его взгляде было уже куда больше любопытства чем опасения.

Артумиранс рассказала о связи, о метке, кое-что из снов. Я не стала утаивать, что Ш'янт нашел оригинальный способ поговорить, а провидица не утаила это от Сольвэ.

Уголек, сидевшая за спиной иномирца, пристально меня рассматривала. Скользила взглядом по груди, искала знак. В глазах – удивление и страх, будто она изучала цепного зверя в клетке. Странную диковинку, что выставили на рынке на потеху толпе.

Было еще что-то такое в ее взгляде, отчего хотелось встать и отвесить девке хорошую затрещину.

Гадливость – вот что.

Будто метка казалась ей каким-то отвратительным насекомым, способным переползти с одного человека на другого.

– Первый проигрыш ничему Ш'янта не научил, – голос Сольвэ надломился.

Иномирец кашлянул и прикрыл глаза, собираясь с мыслями.

Артумиранс склонила голову набок.

– Ему нужна твоя помощь.

– В прошлый раз он справился сам, – Сольвэ только горько усмехнулся и махнул рукой. В глазах застыли тревога и... обида?

– Не справился. – Он повернулся ко мне, хотел что-то возразить, но осекся. – И может не справиться сейчас. Первородная выбрала тот мир не случайно. Я видела. Что-то спит там, ждет пробуждения, и я не верю, что дрянь оставит Рагур'ен в покое. Она вернется сюда и заберет все, что хочет. С новым сильным телом.

Сольвэ поднялся, прошел от стены к стене. Не мог придумать, куда деть руки, и заложил их за спину. Высокий лоб прорезала глубокая морщинка.

– Для врат нужен рецепт, ингредиенты, время и силы.

– С временем у нас, конечно, не очень хорошо, – хмыкнула я и протянула Сольвэ бутылку настойки. – Будь моя воля – я бы пошла к вратам еще вчера, но нет у меня ваших иномирских сил. Я всего лишь человек. Вот и пришлось переться за тобой на край мира.

– Какая честь, – усмехнулся иномирец и поднес бутылку к губам, но отпить не успел. Замер как каменная статуя и прислушался, а через секунду приложил палец к губам и указал на единственную брешь в камнях убежища.

– Кто-то идет, – прошептал он еле слышно.

Переглянувшись с Граци, я отстегнула клинок.

– Оставайся со своей женщиной. – Иномирец качнул головой, хотел пойти, но остановился, когда Уголек схватила его за руку. – Мы сами разберемся.

***

Шорох песка, тихое перешептывание ветра. Легкий скрип. Совсем близко, буквально за изгибом желтой глыбы, где мне пришлось укрыться.

Так скрипит песок под подошвами сапог. Кто-то шел прямо к убежищу, не таился. Не подозревал, что здесь кто-то прячется, просто проверял местность. Исполнял приказ.

До меня долетел шепот Артумиранс. Она готовила врата, чтобы в случае чего сразу же прыгнуть на Красную Тропу. Оставалось только надеяться, что слух у преследователей не такой острый, как у Граци.

Змей постучал тремя пальцами по рукояти клинка, втянул носом воздух. Губы шевельнулись, и я разобрала одно единственное слово.

Ищейка.

Два воина и ищейка. Кто-то забрался в дом Сольвэ и взял их вещи. Разумеется, нет ничего проще, чем натравить на беглецов ищейку. Тогда почему воины даже не прячутся? Неопытны? Или не думают, что иномирец может дать отпор? Или просто идиоты?

Кто их разберет.

Черный палаш привычно лег в руку. Если убить стражников быстро, то они даже не успеют подать сигнал.

Граци скользнул во мрак первым. Гибкий, как ивовый прут, он двигался так стремительно, что я даже не пыталась уследить. Только выбежала следом, когда услышала сдавленный хрип.

Мне достался второй стражник. Клинок вошел в тело, как нож в масло. Люз не встретил сопротивления. Никакая броня не остановила бы такой удар, рассекавший грудь снизу-вверх. Стражник даже не вскрикнул, осел на землю и завалился на бок, как мешок с трухой.

Ищейка же повела себя странно. Они, как одомашненные животные, частенько терялись и пытались сбежать, если хозяин погибал.

Эта тварь была совсем другой. Крупный, развитый экземпляр. Ищейка присела на корточки, как только второй стражник упал, а через секунду взмыла в воздух, метя в горло Граци. В скрюченных руках были зажаты короткие кинжалы, сверкнувшие люзовой желтизной. Змей откатился в сторону и получил удар в бок.

Стоило только поднять клинок, как ищейка обернулась и взмахнула оружием в ответ. На песок брызнула темная кровь. Сжав пальцами ткань куртки, я тихо охнула.

Быстрая. Слишком быстрая.

Ищейка разинула клыкастую пасть, намереваясь впиться уже в мое горло, но Граци извернулся и впечатал сапог в грудь твари, отталкивая ее в сторону. Взмах, острие прочертило тонкую линию на мощной шее.

Тварь покатила по песку, не удержавшись на ногах.

Один быстрый удар – и голова отлетела в сторону, а кровь залила песок.

Бой занял всего минуту. Воздух ворвался в легкие – я почти задохнулась, будто все это время не сделала ни единого вдоха. Голова шла кругом и мир расплывался, вертелся, трещал по швам.

– Какая шустрая гадина, – выдохнул Граци. По широким плечам змея пробежали огненные всполохи. Пламя обняло его руки, зарылось в волосы, а стоило Граци указать на тело ищейки, как огонь радостно бросился пожирать плоть, медленно превращая ее в пепел и обугленные обломки костей.

Змей подошел ко мне и коснулся раны.

– Над твоими рефлексамми еще работать и работать.

Я только глаза закатила и закрепила меч на поясе.

– Лучше плечо подставь, у меня коленки подкашиваются.

Граци крепко прижал меня к боку и усмехнулся, услышав колкое ругательство.

– Тихо, – он приложил палец к губам и указал на каменное укрытие, – лекарь все подлащивает. Радуйся, что люзовое оружие для тебя не смертельно.

Но рана меня волновала меньше всего.

Вдруг преследователи смогут пройти на тропу? Проклятье, как все неудачно складывается!

– Я надеялась, что времени у нас будет больше.

– Не будем задерживаться. Я лично не хочу проверять, есть ли сильные маги в восточном стигае.

***

Я ненавидела Красную Тропу. До дрожи в коленках и приступов тошноты.

Я знала, что это место не имело никакого отношения к Изнанке, да и вообще служила просто переходом от одних врат к другим, но отделаться от мысли, что чужая воля снова затаскала меня в мир снов, не могла.

Обычный человек никогда бы не подумал, что совсем рядом спрятан мир, полный охотников, чудовищ и дверей. Только руку протяни.

Если магией отмечен, то сможешь проскользнуть за грань.

На Тропе мне часто вспоминалась история Хильгладэ.

И я с содроганием представляла, как маленькая девочка путешествовала по этому миру, чтобы добраться до Энкула. Как только умудрилась найти подходящую дверь, как не сошла с ума? Волосы вставали дыбом, если представить малышку, бредущую по кровавой ленте среди смертоносных чудовищ, тянущих к ней свои окровавленные лапищи.

Вот и сейчас я без особой радости осматривалась по сторонам. Нещадно мутило – никак не могла привыкнуть к резкому переходу из одного мира в другой. Будто кто-то со всей силы врезал кувалдой по ребрам и сбросил со скалы, навстречу бесконечности.

Возможно, что это просто из-за лечения: Сольвэ и правда меня подлтал, как только мы с Граци вернулись в убежище. Уголек при виде крови побледнела, но вела себя сдержанно.

Прежде чем иномирец сотворил свою магию, я успела подумать, что девушке не помешало бы раздобыть оружие. Как и ее спутнику.

А потом меня накрыла мгла.

Я умела терпеть боль. Проклятье, любая тренировка с Граци могла принести немало боли и страданий! Любая стычка с врагом, будь то человек или иномирец, могла закончиться плачевно. Мои рефлексy и в самом деле далеки от идеала, пусть даже я превосходила в умении среднего амбала-наемника с клинком.

Но боль от исцеления – это какой-то особенный вид мучений. И Сольвэ в этот мир изошренных страданий меня окунул с головой. Захлебнувшись криком, я прикусила руку. Ощутила привкус крови во рту.

Зрение будто отключилось. Вокруг царил непроглядная тьма, расцвеченная разноцветными всполохами. Кровавые искры мельтешили там, где тело рассекал глубокий порез, оставленный ищейкой. С ними перемешивались изумрудные огоньки целительной магии. Спину скрутил болезненный спазм, руки будто отнялись, пальцы онемели. Сейчас я бы не смогла обхватить рукоять клинка.

Боль обрела плоть. Крутилась под кожей, перекатывалась клубком холодных змей в желудке и стекала по лицу горьким потом, попадавшим в рот вместе с кровью. Она испепеляла кости, превращала мускулы в желе и в итоге разорвалась снопом крохотных иголок в затылке, отчего я едва не потеряла сознание, на самом деле.

Свет и цвет снова ворвались под плотно зажмуренные веки.

Резко выдохнув, я поймала взгляд Сольвэ.

– Ну и дрянь же твоя магия, лекарь.

– Это из-за связи, – иномирец позволил себе слабую улыбку. – Она противится чужому вмешательству. Это такая магическая иномирская ревность, метка пытается показать, кто тут хозяин, и рана затянулась бы через час сама. Я просто ускорил процесс.

Вышагивая по тропе, я с усмешкой вспоминала этот акт целительства, напоминавший пытку приговоренного в подземных лабиринтах особняка Красных Стрел.

И сделала мысленную зарубку на будущее, что больше никогда не обращусь к Сольвэ за помощью. Пусть исцеляет нормальных людей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.